

Александр Якушев

РЫБА МОЕЙ ВТОРОЙ МЕЧТЫ

РЫБА МОЕЙ ВТОРОЙ МЕЧТЫ

– Саныч, слушай, я не вижу тут предмета для творчества и отдаю тебе все права на статью, пиши!

– А вот и напишу, и более того, напишу такой рассказ, который ранее не печатали в журналах. И вообще, почему ты считаешь, что в моих репортажах много примитивной и ненужной информации? Почему ты считаешь, что статьи в журналах должны быть форматными? Что вообще такое, этот журнальный формат? Эти журнальные литературные “сухофрукты” многим уже поднадоели. Может для тебя, прожжённого таёжника, многие вещи понятны и предсказуемы, а для тех, кто никогда не ходил в тайгу, в дальние рыболовные походы, кто ещё не поймал рыбу своей мечты, эта лишняя, с твоей точки зрения, информация – полезна и интересна. Вот ты, опять, со своим реализмом, не веришь в успех нашего похода, а я верю, и уже вижу, что будет много интересного, непредсказуемого, и я напишу свой рассказ для тех, кто ещё не поймал рыбу своей мечты.

– Пиши, Саныч!

– У вас, охотников, свой взгляд, и на организацию тура, и на действия гидов. Рыболовный гид и егерь на охоте – это разные функции, и я тебе это докажу.

И я доказал. Николай Николаевич поймал рыбу своей мечты, причём два раза.

За день до отлёта мне приходит SMS с информацией о том, что вылет рейса авиакомпании “Ямал” задерживается на полчаса, и эти полчаса определили судьбу нашего рыболовного тура. Именно эти полчаса, как в новогодней песенке про пять минут, всё меняют очень круто, всё меняют раз и навсегда.

Я приехал в аэропорт Домодедово заранее, и на стойке регистрации уточнил о задержке рейса.

– У меня нет информации о задержке, всё по расписанию, – ответил диспетчер.

Сразу же позвонил Николаю, ведь времени у него осталось – в обрез! В голове застучал маятник. Тук-тук. Тук-тук. Что делать? Рискнул вернуть багаж. Процедура эта автоматизирована и регламентирована. Может это поможет выиграть те самые пять минут?

Через полчаса волнующего ожидания я встретил Николая с его непомерным багажом, вскользь познакомился с его восьмилетним внуком Ильей, сбегал на другой конец аэропорта за своим багажом, и только потом рассказал ему про приключение моего синего чемоданчика, которое оказалось бесполезным – рейс всё-таки был задержан.

– Ну, ты всегда найдешь, чем удивить! – среагировал Николай.

Илья произвел впечатление спокойного, воспитанного, и не по годам смышленного малыша, что впоследствии почти подтвердилось. Почему почти? Да потому, что известный персонаж из новеллы О’Генри – это как раз мальчик Илья.

В самолете оказалось, что прожжённый таёжник забронировал нам девятый ряд на борту

Airbus A320, а даже мне, не прожжённому, известно, что у аварийного выхода кресла не откидываются, а это значит, что этой ночью нам спать не придётся совсем, потому как свободных мест на борту нет.

В аэропорту г.Салехарда нас встречал Александр Николаевич, наш гид. Он был взволнован и растерян по причине задержки нашего рейса. Эти полчаса поменяли многое в этой истории, как, впрочем, и другие полчаса о которых пойдет речь в конце этого рассказа. Николай постоянно и с нарастающим недовольством в интонации пытался выяснить план “Б”, ввиду того, что план “А” был уже нереализуем.

Волнение Александра Николаевича объяснялось просто. Так как мы не смогли успеть на рейсовый паром по реке Обь, то наш гид, за свой счёт, договорился о доставке нас на частном катере вместе с другой группой, которая прилетала завтра утром. Там нас должен был встретить тримаран, на котором мы и пойдём в наш северный поход. Других планов не было. Договоренность эту надо было лично закрепить, а место и время встречи, как всем известно, изменить нельзя. Катер подойдет к причалу в городе Лабытнанги через два часа, и торопиться не было смысла в принципе. Поэтому настойчивость Николая с целью скорейшего отъезда из аэропорта была дополнительным раздражителем и для гида, и для меня.

Мы подъехали на такси к паромной переправе через Обь, где на возвышении стоит монумент мамонта в полный рост, который очень заинтересовал Илью, решившего забраться на самый верх для проверки знаний о древнейших обитателях планеты. К заброшенному причалу на окраине города подошёл

водомётный служебный катер КС-110. Познакомились с капитаном, обменялись парой-тройкой рыбацких шуток и забросили чемоданы в катер. Таксист помог найти агента, который предложил нам недорого трехкомнатную квартиру.

Квартира была в типовом устаревшем деревянном двухэтажном здании, пол и потолок которого служил наглядным примером неевклидовой геометрии пространства постоянной кривизны. Нас штормило по пути из ванной комнаты в спальную под моё бурчание о том, что кривизна тут непостоянная, напоминая нашу поездку этой весной на базу “Затерянный мир”, где я понял, что морскую болезнь можно получить, не выходя в море. Малышу понравилось бегать из комнаты в комнату. Для него

приключения уже начались, и видимо, эта двуногая ракета уже присматривалась ко мне.

Время, отведённое нам для отдыха и подготовки к поездке, мы провели как партизаны, с вылазками в ближайшие продуктовые магазины, покупая провиант для нашего северного похода. Николай сильно увлёкся выбором помидоров, да так, что я забыл купить резиновые сапоги (не уместившиеся в мой чемодан) и прочие нужные в лесном лагере товары, например, одноразовую посуду, которая в лагере расходуется гораздо быстрее, чем предполагал Николай, заявив, что он взял с собой много “пластмассы”. Эта ошибка стоила мне того, что каждое утро приходилось мыть посуду на берегу реки под присмотром кровососушего гнуса и под хохот Илюши, который всегда брал на берег реки свой венчик и стегал меня, изображая отпугивание насекомых.

Во время прогулки под дождём встретили мальчика, который торговал у магазина рыбой по принципу: “Отец слышишь, ловит, а я продаю”.

– На что ловите? – спросил я.

– На сети ловим, – незамысловато ответил мальчик.

Название рыбы мы так и не узнали, то ли чир, то ли пелядь, не важно, а важно то, что у нас первый день был рыбный. На обратном пути встретили дворовых щенков и собаку. После разделки рыбы я решил найти этих собак и покормить.

– Нет, ну нельзя мне делать добрые дела! – высказался я крайне эмоционально, вернувшись.

– А что случилось-то? – спросил Николай.

– Да пока я искал собак, и ходил по обочине дороги, высвистывая их по всем дырам в заборах, меня проходящий грузовик обдал грязью. Потом, когда их нашёл, аккуратненько так разложил пакетик с рыбьими головами и хвостами. Собаки долго боялись близко подходить. Тут одна из них подбегает, поднимает заднюю лапу и начинает ссать на рыбу, и мне пришлось этот кулек в помойный ящик кидать, благо я заведомо взял с собой салфетку.

– Ну и что тут такого-то? – спросил Николай.

– А то, что это со мной всегда так происходит. Сделаешь доброе дело – получишь приключение на свою голову. Вот слушай. Давно это было, через год или два после свадьбы. Жили мы тогда недалеко от реки, и я дотащил старую резиновую отцовскую лодку, чтоб позагорать и прокатиться на лодке по реке. На другой стороне была семейная попойка на берегу, и одной тётеньке вдруг река по колено показалась, и поплыла она в нашу сторону. Не доплыв метров десять, начала тонуть. Я быстро прыгаю в лодку, подгребаю и вытаскиваю её, как учили за волосы из воды. Затащить её в лодку не получилось, но тётка очухалась и повисла на бору лодки. Кое как начал грести, но с их берега рванула огромная собака, и, подплыв к лодке, начала яростно бросаться на меня и на лодку, ну и прокусила её. Правый борт лодки сдулся моментально. С того берега отправили самого трезвого на подмогу. Вот так, на одном баллоне, я и спас человека, потом кое-как доплыл обратно. Лодка долго лежала в гараже, рваные дыры были такие, что моего ремкомплекта не хватало, и пришлось её выбросить. Вот и делай добро людям!

Илюше рассказ мой понравился, и он стал требовать всё новые и новые рассказы.

– Сан Саныч, ну расскажи историю! Сам Самыч, ну расскажи мне историю! Сап Саныч, ну расскажи ещё историю!

– Да ты мертвого подымешь! Так, бери быстро свой попкорн с кока-колой (в нашем случае это было овсяное печенье с молоком) и садись вот сюда, кино начинается! – после чего, я начал рассказывать ему рыболовные истории, причём как из своей жизни, так и услышанные на рыбалке.

– Давай, механик – заряжай! – радовался Николай такому развитию событий, ибо теперь на этого малыша нашёлся второй воспитатель.

Утром я проснулся очень рано и долго стоял и смотрел в окно. Заросший травой и крапивой палисадник, жужжание комаров и дождливая погода соответствовала настроению. “Пожалуй, это был самый бездарный день в моей жизни. Что вчера делал? Целый день ходил в магазин, выбирая колбасу и конфеты”, – подумал я. Продавщицы с нас там ржут до сих пор. Наверное, мы их смешили, как клоуны, и в награду нашли для нас картонные коробки, в которые мы вечером упаковывали провизию.

Вспоминая покупку провизии, рассказал за завтраком Илье очередную историю про рыбаков – клоунов. Вот и долгожданная погрузка на катер, и полный вперед! Сначала в Салехард, где встречаем группу из Екатеринбурга у парома и Полный вперёд!

Илья сразу же получил чин юнги, а потом, за выдающиеся способности, главного корабельного старшины, а через час сидел на месте старпома. Такой быстрой карьеры ни один моряк не видел.

Николай улёгся спать в кубрик, я же большую часть пути стоял рядом с капитаном катера – Василием Михайловичем.

Медленно изменяющийся пейзаж и гипнотизирующее свойство воды сделали своё дело, и я предался созерцанию. Вокруг была только Река. Да, здесь это была уже истинно Великая Река, успевшая теперь перед близким ей океаном, как женщина перед счастливым замужеством, почувствовать свою силу и истинное своё предназначение, а с тем – и успокоиться. Здесь не было следов людей, которых она кормила, отчего со стороны Река казалась безнадёжно необитаемой и бесконечно неизменной.

Скорость катера, измеряемая по GPS была не более восьми узлов. Путь неблизкий, только до Шурышкар более шести часов ходу, а это всего-то лишь полпути. Шурышкары в переводе с языка коми означает “роговой городок”, основанный кочевыми группами как стоянка оленеводов. Когда свернули в горную Обь, ход катера стал легче, но до устья нашей реки, где и должно было начинаться наше рыболовное приключение дошли только к ночи.

Устья рек, впадающих в Обь, и образующих мелководный залив тут называют – сор, и поэтому я не понимал разговор нашего капитана и гидов о фарватере сора. Что за сор?

Нас на воде встречала в темноте группа Сергея Алексеевича, тримаран и две лодки шли к нам навстречу, мы увидели их сигнальные огни. Сергей – в своей капитанской фуражке у руля. Мы причаливаем к берегу у избы, где планировался ночлег, пересадка и поход вверх по реке на рассвете, за нами тримаран. Вы когда-нибудь слышали звук беды? Звук пропоротого баллона тримарана в ночи –

вот он, звук беды! Под водой, под русский авось, был спрятан второй сюрприз нашего похода, опять изменив наши планы.

Доброжелательность хороших отношений превышала неудобства ночлега той ночи, как в известной русской поговорке. В избе на двух кроватях и на полу спиной к спине разместилась группа Василия Михайловича, оставалось восемь спальных мест на катере в каютах, и кто-то спал на палубе катера на мешках с вещами, благо, что дождя ночью не было. Я проснулся на рассвете. На корме катера был импровизированный банкет – самые стойкие вообще не спали. Всеволод, парень который приехал из США, ночью зашивал и клеил баллон тримарана. Потом он мне показывал фотографии и восхищался поездкой. Я смотрел на этих заросших и

заглубивших в походе людей как на полубогов. Они не обращали внимания на гнус. Мокрец, мошка, комар для них был пустым звуком. Я же очень засомневался в заключении учёных о том, что имаго самцов всех этих насекомых питаются выделениями или соком растений. Все без исключения, летающие вокруг нас твари желали только одного – нашей крови. Вот в этой походной атмосфере я простоял на корме катера до команды “Подъём”, беседуя с фанатами северных речных походов.

Сергей успел коротко рассказать нам перед отходом в Салехард, как он и наш гид Александр Николаевич десять лет назад начинали разрабатывать здесь речные рыболовные маршруты, но сейчас их главное направление – это организация охот в Кировской области.

Коррекция нашего маршрута заключалась в том, что Александр Николаевич должен был вернуться за приготовленным для нас топливом, которое на реке ценится как вода в пустыне. Купить бензин на реке нереально.

Утром нас всех шатало от усталости и недосыпания, даже внук Николая неожиданно для всех приуныл. Дима, сын Александра Николаевича, наш второй гид, повторно пытался накачать баллон тримарана. Всё время дождь бураком заходил. Пришлось рассказать про то, как я рыбачил на Мезени, и про то, что бурак – это дождевая туча.

День в самом разгаре. Дождь в очередной раз застиг врасплох Диму, который пытался заклеить и накачать баллон тримарана. Ночевать в избе не входило, ни в наши планы, ни в планы хозяина избы – Валерия Ивановича, который был рыболовным гидом уральской группы. Пришлось бросить

тримаран на берегу и погрузить всю свою поклажу в моторную лодку, и отправиться в сторону нашего лесного лагеря. Так, усевшись на кульки с вещами и провиантом, мы и отправились по перекатам, вверх по течению. Посадка пассажиров в лодке, так и не сумевшей выйти на глиссер, со стороны напоминала скульптурную композицию иррационального индустриального модернизма. Пришлось сделать остановку для отдыха и пройтись по лесу. Не пройдя и полдюжины шагов от лодки, нарисовалась картина маслом: подосиновики были везде. Их было неприлично много, и я не устоял, и собрал полный мешок.

– Ну, и куда ты их денешь, то? – воскликнул Николай, устроившись в лодке на чемодане. – мало тебе тут мешков?

– Да чтобы я, после увиденного, устоял, и не набрал грибов? Будешь на ужин суп из них кушать! Жадный я до грибов. Столько подосиновиков не видел уже лет тридцать! А было это так. Возвращались мы из очередного лесного похода. Ездили тогда на природу с прицепом. Набрали всего: картошку, бруснику, грибы, рыбу (покупали лещей по-дешёвке в рыбхозе). Но тут вынужденная остановка.

– Перессых! – командует батя, и мы все втроём – в лес. Выйдя с отцом из леса, стоим, ждём.

– Рыжий! – кричит отец. Тут мама выбегает из леса, и в руках несёт с десятков подосиновиков.

– Все за мной! – командует нам.

– Так вот, в лесу был участок размером с полгектара, на котором и накопили три больших корзины подосиновиков. В тайге этим никого не

удивишь, но когда я ещё в тайгу поеду в грибной сезон? – завершил этим вопросом я свой рассказ.

К вечеру мы дотянули до районной турбазы Шурышкарского района, потому как бензина больше у нас не было, и только благодаря гостеприимству охранника базы – Андрея, мы не остались без крыши и тепла той ночью.

Разгружая вещи уже после наступления вечерних сумерек, я обнаружил, что мой тубус с приготовленными для этой рыбалки спиннингами, в изготовление которого было вложено столько времени и фантазии, вымеряя до сантиметра его длину, дабы повысить шанс взятия его в салон самолёта, был забыт в сарае Валерия Ивановича.

– Не грусти, Шура, – подбадривал меня Николай, – Вот, выбирай из моих. Я приуныл. Как обычно у Николая были только мощные, щучьи палки.

– А с чем мне на хариуса ходить? С этим твоим дубьём! Я потратил полдня, чтобы сшить чехол для этого тубуса, купил специально короткий лайтовый спин, а ты говоришь – не грусти! Это не рыбалка на платном пруду, куда я смогу всегда приехать ещё раз. Ты карту смотрел, где мы сейчас?

В этот вечер выпив двойную норму пива, и, наевшись “от пуза” грибного супа, пошёл спать в недостроенную избу, разложив спальный мешок на полу.

– Сан Саныч, просыпайся!

– Малыш, дай поспать!

– Я не Малыш!

– Ты – Малыш, я – Карлсон! Сбегай за вареньем, тогда встану.

Вместо варенья, Малыш мне в рот начал запихивать носки. Уж лучше бы я встал сразу.

Поутру нас ждали новые сюрпризы. Мы уселись в лодку Димы и направились в сторону гор на ловлю хариуса. Через десять с половиной секунд мотор заглох, и нас понесло вниз по течению. Внизу пережат, мы в суматохе садимся на вёсла, и уж не знаю почему, но погребли мы не к тому берегу.

– Что делать будем? – спрашиваю Диму.

– Волоком волочить, вот что, – отвечает нам Дима.

Выходим к повороту реки, и вот теперь надо ещё немного проташить лодку, и уже на веслах дойти до избы. Но правильные герои всегда идут в обход! Я в своих галошах проваливаюсь в лужу, невидимую в прибрежной траве. Весь путь прошёл на удивление в галошах по заболоченному берегу, и вот тебе, Саня, финал лиги чемпионов!

– Я теперь, лицо потерпевшее и грести не буду! – и, выставив ноги на борт лодки, уселся на банку.

– Сап Саныч, а что такое лицо потерпевшего? – вот тут все заржали так, что с меня галоши чуть не слетели.

После ремонта – вторая попытка. Через десять с половиной секунд мотор заглох на том же месте и мы, на вёслах, причаливаем в то же самое место! Дежа вю какое-то! Тут, уже без всяких историй, по проторенной тропинке, и тем же путём, но быстрее, швартуемся на берегу возле турбазы. Я как в воду глядел, надев выданные мне в аренду сапоги.

Дело пахло керосином, то есть бензином. Рыбалка накрылась медным карбюратором. Николай объявил об открытии берегового курса молодого рыбакова, и начал занятия с внуком по забросу блесны в воду. После третьего заброса, он снимал крючки, но потери блёсен не прекращались.

Мне показали тропинку через лес, я взял спиннинг, и пошёл по залитой дождями лесной тропинке в направлении реки. Вышел к тайменёвой

яме, где несколько лет назад один турист вырезал деревянного идола, которому теперь преподносят дары: кто блесну, кто копеечку, в прибитую гвоздём кружку. Я тогда ещё не знал, что это обычное, не связанное с мистикой место. Мне же показалось, что я оказался в каком-то загадочном сказочном месте, где леший бродит, и где русалка на ветвях сидит.

Тайменя тут раньше ловили, что, скорее всего, правда, а вот то, что его можно поймать сейчас – сомнительно. На севере рыбалка для начальников (сейчас их принято называть “руководители высшего звена”) делалась так: на вертолёте подлетали к тайменовой яме, и если рыбу видно в прозрачной воде, то делали остановку. Улетали, естественно, с рыбой на борту. Вот такие у нас начальники. Вот поэтому и тайменя на Русском Севере уже и нет.

Я начал забросы. Потом понял, что нужно поставить купленную на выставке съедобную резину. Хлоп, удар, и мощное сопротивление. Пасть окуня показалась мне настолько огромной, что я поверил в мистику этого места, но этот зверь оказался мне не по зубам. Потом ещё один сход, и только третья поклёвка была реализована. Потом клёв как вырубил. Сзади послышался странный звук. Оказалось, это была куропатка.

В лесу, по берегу, грибов видимо невидимо, но я устоял и дождался лодку. Дима заменил бензин, и мы шли в одно секретное место за окунем. Да на такое место можно и два дня плыть, чтобы там порыбачить! Оторвались от души. Жаль, что полдня. Но, сказать, что окунь хватал всё подряд, – не скажу. Поклёвки пошли одна за другой после моей лекции о спектральном зрении у рыб, в которой я кратко, за пять с половиной минут, изложил, что:

а) водная среда может быть сильно пигментирована и, поэтому, вода выступает в качестве светового фильтра;

б) водная поверхность производит поляризацию света, что также приводит к искажению цветовой гаммы;

в) ганглионарный слой глаза рыб по-своему анализирует возникающий в фоточувствительных клетках потенциал действия, и цвет объекта формируется в результате двух процессов: суммирования основных цветов с одной стороны и вычитания с другой стороны.

Илюша слушал меня, открыв рот, мало понимая слова, но соображая, что речь мастера спорта по рыболовству, в которые он меня сам же и произвёл,

очень важна, и от этой лекции зависит успех рыбалки.

Практические занятия показали, что существенное преимущество было у того, кто имел силиконовую приманку флуоресцентного зелёного цвета с жёлтым брюхом. Цвет воды там изменял цвет приманки, и жёлтое брюшко становилось ярко оранжевым. И вот, на эту цветовую обманку мы и наловили себе окуней на жарку. Мелочь, что была меньше полкило, отпускали подрастать. Щука попадалась очень мелкая, не более килограмма, которую тут называют шурогайкой, и стряхивают с блесны, не поднимая на борт.

– Нет ничего вкуснее жареного окуня, – нахваливал Николай.

– Вот тут я абсолютно с тобой согласен! Нет ничего вкуснее жареного окуня с луком, – ответил я, вспомнив, чего мне стоила разделка этого окуня под пристальным присмотром нескольких сотен мелкого гнуса. Звуки: Ой, Ай, Уй и им подобные, во время разделки мной рыбы, каждый вечер раздавались со стороны реки. Наутро мои руки и ноги свидетельствовали о числе кровососущих тварей, прорвавших оборону, состоявшую, в дополнение к обычной одежде, из дождевика и подаренного мне американцем баллончика от насекомых. У нас был договор: я не ношу в лагерь воду, но мою посуду и разделяю рыбу.

Дима нам дал дельный совет, что после жареной рыбы, да в таком количестве, которое было нами съедено, надо обязательно выпивать много сладкого чая, именно сладкого.

Группа Валерия Ивановича ушла обратно, вниз по реке и должна была пересекаться с нашим гидом Александром Николаевичем. Я четыре раза напомнил ему про забытый тубус в сарае.

– Саныч, будет тебе рыбалка! Привезут тебе твой тубус. Завтра с бензином доставят, и пойдешь в свой северный поход за щукой своей мечты, – прощаясь, ответил мне Иваныч.

Видели бы Вы лицо Александра Николаевича, который на следующий день пришёл на полуспущенном баллоне тримарана!

– Саныч, прости, сам не пойму. Поставил на катер твой тубус. Даже место приготовил у руля. А уж когда часа два прошло, смотрю, ну нет его. Ну не мог я возвращаться на полуспущенном баллоне! Тубус твой на катере, не пропадёт!

– А то пех ! – после длительной паузы вздохнул я по-польски, потому как выругаться по-русски при малыше не рискнул. Уж больно много эмоций было внутри (пех – это невезение по-польски). Выражение моего лица напоминало лицо опоздавшего на поезд.

И только после того, как всем миром починили тримаран, мы отправились в поход по запланированному маршруту. Вот и мы вывесили флаг своего лагеря на берегу реки! После недолгой лекции о том, почему избушки ставят на курьих ножках (пеньки с обрубленными корнями, или стропила, называемые в древности курьи, чтоб предохранить дерево от гниения), вопрос Малыша о появлении Бабы-Яги был закрыт.

Избушка была вполне вместительная, и на нарах впятером было вполне комфортно. Мебель – это стол и вешалка. В палатке рядом разложили вещи и провизию. По договоренности с Андреем мы как-то раз заехали к нему на базу помыться в его бане.

Дед научил внука пить воду прямо из реки по-звериному (без кружки), что ему крайне понравилось.

Первый выход за трофейной щукой не порадовал нас результатом. На перспективных местах в притоках реки (которые тут с прауральских времён называют юганами или ёганами, то есть “маленькими реками”) стояла щука, но не крупная, до трёх килограммов, которую тут отпускают. Не котлетный размер!

Илюша прослушал ещё одну мою лекцию о том, как я на рыбалке применяю лак для окрашивания блесен, и сразу же отнял у меня все тюбики с лаком.

Разрисовал смешными рожицами десяток колебалок, после чего начал приставать к деду.

– Дида, дида, поставь эту блесну. Я буду щуку ловить!

Ниже нашего лагеря долина реки из среднегорной переходила в равнинную, и далее расширялась за счёт большого числа малых и средних притоков, в которых и проходила наша хоть и не трофейная, но увлекательная по характеру рыбалка. Река в отличие притоков сохранила горный характер, склоны её берегов становились более пологими, но течение её здесь медленнее, а русло на перекатах разбивалось на рукава, образуя низкие, поросшие травой острова и галечниковые отмели. Я поймал три щуки, Николай штук шесть, причём последняя потянула на пять с половиной кило, и её решили взять “на попробовать”.

Николаевича мы по ходу рыбалки высадили на берег, и он насобиравал мне грибов. Потом мы его подобрали на берегу, меняя место ловли. Вечером я порезал подосиновики мелкими ломтиками и

расстелил их на марле. Вот тут бы пригодился подсачек для рыбы – как сушилка для грибов. Каждое утро я перебирал свой урожай, что впоследствии позволило мне дома не только уху сварить, но и любимый грибной суп откусать.

На следующий день Дима остался в лагере и занимался обустройством, а мы отправились по горной реке ловить хариуса. На точке, которую показал Николаевич, забросить лёгкую вертушку было сложно – река широка. Я соорудил снасть с бомбардой. У Николая бомбарды, естественно, не было, и он заскучал, но не долго, потому что моя снасть “отстрелилась”, и бомбарда с легендарной мухой улетела и шлёпнулась в воду.

– Шлёп! – проводил её взглядом, и вспомнил случай про Шлёпалку. Мы уселись на катамаране, попивая, кто чай, а кто кофе из термосов, и я начал рассказывать эту историю.

– Было это давно. Я служил в армии и у нас в июле были полевые учения. Окопы рыли, гранаты кидали, стреляли, бегали – школой рейнджеров мы это называли. Жили в палатках солдатских, больших таких, по десять человек. И вот, сидим мы как-то в палатке, анекдоты травим. И с нами, не помню уже как он к нам пришёл, был боец из другой роты, родом, по-моему, из Киева, с таким явным степным акцентом. Так вот, рассказал нам он анекдот про Шлёпалку. Полковник построил воинскую часть на плацу и приказал всем на завтра привести себя в порядок и приготовить подарки для генерала, который на инспекцию приедет. На следующий день генерал пошёл на осмотр части. Офицеры и солдаты, к которым он подходил, давали подарки, кто жвачку, кто презерватив, и вот один боец протягивает

генералу кирпич на веревке. Полкан в ужасе, зажмурился аж. А генерал побросал всё подарки, и как заорёт во всё генеральское горло: Це Шлёпалка! Хватает эту хрень, подбегает к луже, что на плацу, и кирпичом в лужу. Шлё-оп, шлё-оп, шлё-оп! А говор у этого паренька был такой смешной, мы, видать, ещё не привыкли к его манере рассказа анекдотов, ну и заржали истерическим смехом. Палатка ходит ходуном. Остановиться мы не можем, все как один повторяем: шлё-оп, шлё-оп, шлё-оп! А тут мимо проходил начальник части – генерал! А генерал у нас был боевой, нормальный такой, не пузатый старикан. Нас выводят из палатки. Наш ротный в ужасе, рожа его кровью налилась, ждёт команду фас. А мы, как увидели, что перед нами генерал стоит, так ещё сильнее хохочем, остановить нас – не реально! О, генерал! Шлё-оп, шлё-оп, шлё-оп! Генерал постоял, посмотрел на это, сплюнул и пошёл дальше. Нам всем “впаяли” по два занятия в школе рейнджеров: урок в два штрафных круга в ОЗК. Вот такая она, Шлёпалка!

Без бомбарды пришлось сменить место ловли, и нашли местечко, куда можно кидать вертушки в надежде на поимку хариуса. Я подобрал нужную модель и цвет и поймал штук семь-восемь, но большинство пришлось утопить, потому, как не дотягивали до двадцати пяти сантиметров. Николай тоже поймал почти столько же, но злился, что я отпускаю и его заставляю, что-то бормотал про зачётные, разрешённые размеры, но я был непреклонен, и Николаевич встал на мою защиту. В итоге, в лагере всего шесть крупных хариусов. Река мне принесла ещё один подарок: на берегу нашёл бомбарду, почти такую же, как я потерял. Река взяла – река дала.

Сближение со мной, как с новым объектом издевательств, постоянные розыгрыши, шутки, да прибаутки во время рыбалки, привели к тому, что мальчишка за свой звонкий прерывистый, в чём-то даже истеричный смех, получил себе таёжное прозвище – Куропач, за сходство с гоготаньем куропатки. Николаевич выписал Илюше постоянный пропуск к себе в охотхозяйство, со словами, чтобы приезжал в качестве манка на куропатку.

За ужином распечатали привезенный мной коньяк. Миска, прибитая гвоздями к потолку, украшала нашу избу. Кидас (гибрид соболя и лесной куницы) прогрыз дырку, и кто-то временно решил так заделать её. Но нет ничего более постоянного, чем временное решение.

– Николаевич, давай я расскажу, как же так получилось, что мы отправились в этот поход, а то за бытовыми проблемами и поисками моего тубуса времени поговорить мы так и не наши, – начал я наш вечерний разговор.

– Саныч, ну хватит про тубус свой!

– Сначала я искал на карте место на севере, но не Чукотку, а поближе. Вообще-то я искал маршруты в Ненецком АО, но не нашел пока. Начал форумы разные и отчеты просматривать в интернете, потом нашёл фирму, которая делает заброски на вездеходах через тундру к рекам на запад от Салехарда. Даже успел договориться, но наш третий компаньон соскочил, и по стоимости наша программа на двоих стала неподъёмной. Позже я нашёл информацию о Сергее, и с ним уже и договаривался. Он предлагал разные маршруты, реально интересные, но мы выбрали этот. А потом даты выбирали, и выбрали так, что в его группу не попали, но скажу тебе честно – я очень рад, что с тобой познакомился, и что наша группа такая маленькая. Я вообще теперь стараюсь ездить на рыбалку один, никто не мешает, но мне одному эта поездка не по карману. С Николаем у нас уже были поездки, может и без рекордов, но удачные с моей точки зрения.

– Саныч, молодцы, что приехали. А рыбалка тут отличная, но, либо в июне, после схода льда, либо в августе, до путины, когда пойдет белая рыба из Обской губы на нерест. Щука встает на ход рыбы, пасть открывает и жрёт. Поймать на спиннинг в это время щуку крайне сложно. Так что вы нормально приехали. Есть тут такая рыбка – тугунок, или сосьвинская сельдь, несмотря на то, что это лососевая порода. Раньше привозили в колхозы

рыболовецкие готовые бочки, а в бочках соль и нужные приправы. Эти бочки забивали тугунком, и больше их никто никогда не видел. Рыбка эта сказочно вкусная.

– Да, я где-то читал, что тугунок настолько понравился Черчиллю, что ему специально отправляли бочки в Англию.

– На Волге есть стадо какой-то особой селедки, ну очень вкусной, и когда это стадо шло на нерест, вся рыбоохрана под ружьё по берегу стояла и сопровождала это стадо. Наверное, не надо говорить, для кого эту селедку вылавливали? Вот и сейчас, почти так же, муксуна охраняют. Правда, я не верю в это. Муксуна что-то не прибавляется, а это царь всех сиговых.

На следующее утро, до рыбалки, мы с Куропачем в двадцати метрах от лагеря за пять с половиной минут набрали полный пакет подосиновиков. Я быстро их отварил и вечером, после рыбалки уже жарил своё любимое лесное блюдо.

После жареных окуней все рыбные деликатесы уже не задевали меня, и уху я кушал не в охотку, а за компанию. Хотя надо сказать, что рыба тут очень, очень вкусная. Чем крупнее хищник, тем он вкуснее. Секрет в том, что питается он благородной рыбой сиговых пород. Щучьи котлеты тут – вершина кулинарии, их вкус неповторим по определению. Это вам не дифлопе из ресторана, это настоящий деликатес!

А ягоды! Садись в лесу, собирай и ешь, как медведь, чем мы с Ильей и занялись поутру после сбора грибов. Эта игра в медвежат нам понравилась.

Чтобы не отвечать на очередные вопросы: “Почему апельсины круглые, и почему попугай умеет говорить, а обезьяна – нет”, я закрывал рот малышу очередными историями.

– Когда я был в пионерском лагере, то ходил вдоль забора, и высматривал, где растут грибы, и присыпал их листвой и травой, чтоб никто не находил. А когда к нам приезжали родители на родительский день, то я быстро пробежал по своим местам, собирал подросшие грибы и отдавал им.

– А что такое пионерский лагерь? А что такое родительский день? – перебивал меня любознательный Куропач.

Всю эту поездку рот у меня не закрывался. Приходилось вспоминать даже то, что было забыто безвозвратно. Мой мозг закипал, когда мы выезжали на рыбалку с малышом на борту. Это было моим наказанием. За что?

– А вот тебе рассказ и про птицу, – начал я, после очередного заброса самодельного джерк-бейта, показав на парящего над нами орла, и понимая, что пауза на рыбалке затянулась, и малыш опять начнет меня дергать за штаны.

– Это было на озере в Псковской области. Мы несколько лет подряд туда ездили в деревню за грибами и на рыбалку. Жили, кто в палатках недалеко от деревни, кто в деревне, на участке у хозяев. У реки стояла баня по-чёрному и два закадычных друга Володя и Витя смастерили там себе шалаш. История с шалашом не менее интересна, но это отдельный рассказ. У нас была общая кухня, где была разделка пойманной рыбы. Эти два приколиста всё время надо мной подшучивали.

Помню, притащил Витя щуку, килограмма на четыре, не меньше. Отрезал ей голову, и говорит: “Смотри, какие у нее зубы, теперь не укусит”. Я палец свой ей в пасть, а голова челюстями цап меня, словно капкан. Я заорал, как зарезанный. Бегаю с этой головой, как двухголовое чудовище. Но не про это рассказ. Короче, не помню за что, но обозлился Володя на сорбк, видать одна из них стащила у него что-то ценное. Он сделал три рогатки, себе, Вите и мне, и пошли мы на окраину деревни, на охоту. Сорока птица хитрая, и подстрелить никого нам не удалось, но позабавились на славу! Интрига в том, что на окраине деревни стоял полуразрушенный корпус бывшего дурдома. На следующий день по деревне пошёл слух, что в деревню психи вернулись. А получилось вот как. Володя, седой, небритый и непричесанный, в старых тренировочных штанах, с дырками на коленках, в тельняшке и смешной спортивной шапочке с безумным взглядом ходил на полусогнутых с рогаткой по деревне, высматривая сорок. Рядом Витя, почти такой же наружности, только лысый, и я, без бороды и тельняшки, подражая старшим, как партизан в разведке, нагнувшись, и оглядываясь по сторонам, завершал эту карательную экспедицию. Клоуны в цирке просто отдыхали! Вот деревенские бабки и решили, что три психа вернулись.

Делаю заброс, и почти моментально шнур натягивается, а в месте заброса на водной глади появляется долгожданный характерный бурун.

– Вот она! Рыба моей мечты-ы-ы, – качая головой, чуть не простонал я. Мой спиннинг прогнулся, и на палубе катамарана засуетились. Рыба не спеша продолжала гнать свою линию, уходя в сторону берега. Николай кричал мне, чтоб я перешёл на другую сторону палубы, Николаевич уже схватил щучий успокоитель – дубину, напоминающую бейсбольную битку, выругался на него, крикнув, чтоб я стоял и работал сам. Фрикцион жужжал. Куропач, подпрыгивая, подбадривал меня. Я уже видел и размер, и то, как щука цепанула джиг-головку, и понимал, что нужна крайняя осторожность. Сил стало не хватать. Кричу Николаю, чтобы хватал фотоаппарат и снимал на видео. Шансы ещё есть. Если бы рыба могла нас слышать, то одурела бы и сдалась, только чтоб поближе рассмотреть этих чудачков. Подвожу рыбу аккуратно к борту, вот уже Николаевич делает замах, и тут рыбина уходит под воду под звук фрикциона, и я опять медленно, без

рывков поднимаю её на поверхность. Пасть заглатывает воздух, и я, видя, как тело рыбы теряет управляемость, беру инициативу. Я жду момента, когда можно подвести зубастую к борту тримарана. Точным ударом Николаевич открывает счёт этого матча. 1:0 в мою пользу! Рыба на борту.

– Саныч, вот она! Рыба твоей мечты! – держа её за жабры, и, довольный увиденным поединком, протягивает мне рыбу Николаевич. – Я же тебе говорил, что ты без неё домой не уедешь! Вот, держи!

После фотосессии, которая, как обычно, прошла со скандалом, на палубе воцарилась тишина.

– Сап Саныч, так если ты уже поймал рыбу своей мечты, что теперь ловить будешь? Рыбу своей

второй мечты? А какая она будет? – спросил меня Куропач.

– Да, малыш, теперь мне нужно найти Рыбу своей второй мечты! Это ты в точку! – ответил я.

Мы ходили по реке, прошли несколько перекатов, но больше так ничего и не поймали, не считая окуней. Надо сказать, названия перекатам тут дают такие же забавные, как и в поморских землях: Спиртонос, Автобус (за огромный камень величиной с автобус), Кривой, Генеральский, Катамараний.

– Что, храпун опять не встаёт? – спросил дед внука. Это был сигнал к атаке. Вождь краснокожих молниеносно оседлал меня, и началась очередная охота на мамонта. Я был повержен. Начали собираться в поход на горную реку за хариусом.

– Саныч, а у тебя вторая бомбарда есть? – спросил Николай.

– Нет, конечно, но у меня есть идея, – и я смастерил из оконного утеплителя, стальной проволоки, грузила-оливки и бусины деталь, смутно напоминавшую бомбарду.

– Вот тебе бомбарда и муха, – лови! – Недаром тут бомбарду балберой называют! Настоящий балбер получился, – порадовался я полевым испытаниям. Штуковина эта, по сути, оказалась тяжело отгруженным поплавком, но для заброса мухи годилась, и Николай, впервые в жизни, начал ловить хариуса на муху.

Отстрелив сделанный мной балбер, Николай, зная, что в моём жёлтом рыболовном чемоданчике есть много чего интересного, подошёл с виноватой гримасой и начал восхищаться моими самоделками, намекая, чтобы я сделал ещё одну балберу. Но в этот

раз я настоял, чтобы он научился завязывать правильный рыболовный узел.

Во время рыбалок на горной реке мы встречали группы байдарочников, которые сплавом путешествовали до устья реки. Их забрасывают в верховья реки на вездеходе или вертолёте, а на подступах к горной Оби их ждут местные лодочники с тарифами, как у гондольеров в Венеции.

Ходить на байдарках и катамаранах по Оби до Салехарда – это почти такой же финал, как в истории про трёх мудрецов в медном тазу, которые отправились по морю в грозу. Туристы приносят хороший заработок за проезд от устья реки до причала, где останавливаются рейсовые катера до Салехарда.

А ещё повстречался там одинокий прожжённый путешественник, который шёл не по течению реки, а волочил байдарку вверх по течению. Этот энтузиаст уже десять лет ходит по рекам приполярного Урала в одиночку, и протяженность некоторых его маршрутов достигает шестисот километров! За полученную в дар банку тушёнки, он смотрел на нас, как на спустившихся с небес ангелов.

На перекате нам попадался только мелкий хариус, и мне надоело его отпускать. Пришлось сменить место. Там, где находили разрешённых к вылову, останавливались, ходили по берегу, и к концу дня наловили походную норму, пока Дима отдыхал на катамаране. В тот день мы уговорили Николаевича присмотреть за малышом. С мыслями:

“Интересно, что он там затеял?” возвращались в лагерь.

– Диду, мы играли в геологов, посмотри, какие я камешки нашёл, а потом я построил очаг, как у древних индейцев, – встречал нас Куропач.

– Да, Саныч, эстафету ты мне передал ещё ту. Сначала отбивался от вопросов, типа: “Отчего ветер дует, и почему в дырках ничего нету”, но когда он мне помогал по хозяйству, то стал очень примерный. Николай, завтра пойдем ловить щуку твоей мечты.

Два дня Николаевич оставался в лагере с вождём краснокожих. Для меня это было спасением, а для Николаевича это были хоть и приятные, но приключения. Лагерная работа велась под постоянным обстрелом Илюшиных вопросов: “А звёзды горячие? А зачем дорога идёт в обе стороны?” Спасал положение только его куропачий хохот. Они сдружились по-настоящему.

Нас поставили на новое место. Место это знаменитое: на берегу стояла беседка из бруса, построенная для рыбалки первых лиц государства. А дальше виднелся силуэт часовни, которую ставил Николаевич. На этот раз взяли с собой Илюшу, который вызвался судьей в турнире между мной и Николаем.

– Сап Саныч, проиграешь ты сегодня тур! – щурясь повторял всё время Куропач. Как в воду глядел. Николай тянул настоящий трофей. Я бросил всё и начал снимать процесс на видео. Увидев, что пасть зубатой была крупнее моей, Николаевич не стал ждать и пустил в ход свой успокоитель. Рыбалка на полчаса остановилась. Куропач ликовал. Я, признаюсь, немного огорчился проигранному туру.

Ловим дальше, отдыхаем. Затем, малыш так, с пренебрежением, заявляет, что он устал ловить эту щуку. Мы все посмотрели на него. Оказалось, что после того, как я снял свою джиг-головку и передал ему для ловли окуней, он держит на этом крючке приличную щуку! Да так держит, что Николаевич командует деду: “Срочно ему помогай, а то вылетит с палубы!” Зубастая была под пять килограмм, не меньше, но малыш решил её отпустить, чтоб подросла и досталась мне в следующий раз. Дед вытащил к вечеру ещё одну на шесть килограмм, и с этим результатом мы отправились в лагерь.

– Ну что, не подрались? – спросил Николаевич меня после фотосессии. – Я ушёл, чтобы не быть свидетелем.

А вышло всё так. Николай выложил свой улов на берег реки для фотосессии. Этот процесс затянулся так, что я не выдержал и намекнул, что неплохо бы приступить к разделке рыбы. Кушать больно хочется. Вчерашние грибы кончились, а колбасу с тушёнкой я и дома могу покушать. Николай вскипел, заявив, что он сделал десятки тысяч фотографий для журнала, и знает, что делает.

Рассказал, как он полдня возил трофейного барана, чтобы сделать фотографию, вымучил всех егерей, но результат был ошеломляющий. Я ему в ответ, что, несмотря на то, что это самая крупная в его жизни щука, не стоит так сильно волноваться. Главное – это тот позитив, те эмоции, которые были на рыбалке. Ну и пошло – поехало. Но ничто так не объединяет людей, как совместная чистка окуней в окружении сотен кровососущих летающих тварей!

У меня было много ожиданий, связанных с последним выходом на реку. Это не был дух соперничества. Я вообще против рыболовного спорта, как такового. Ну как можно соревноваться на одном пруду? Все знают, что рыба ходит по водоёму своими тропинками, и победит тот, кто встал на эту тропинку. Какой смысл? Я просто желал ещё одну хорошую рыбалку.

Дима был у руля тримарана. Он не был рыболовом и к рыбалке был нейтрален. Более того, он, как гид, отличался от отца. Николая это немного раздражало. Я вставал на защиту:

– Тебе же показывают реку, ты всегда можешь сказать, где остановиться – выбирай и лови. Суть рыбалки в уединении, в поиске. На рыбалке ты один на один с рыбой, которую не видишь. Какая она? Где

она? Как её перехитрить и поймать? Тебе Дима и даёт возможность ответить на все эти вопросы. Ищи и пробуй, проявляй себя. Помнишь, как тебе гид на рыбалке надоел своей болтовнёй?

– Я свою двенашку тут взял, мне больше не надо, – сказал однажды Дима и молчаливо ждал окончания рыбалки.

Группа туристов с проводниками из местного населения ловила мелочь на нашем месте, причём не отпускала, а забирала её. Так и хотелось процитировать незабвенную фразу из кинофильма Брат-2, сказанную актером В. Сухоруковым в сцене на таможе в Чикаго: “Голодаете, да?”

Мы встали немного дальше от берега. Вскоре, со стороны гор, подошла туча, закрывшая полнеба, и начался сильный и продолжительный дождь. Мы спрятались в беседке. Не выдержав дождя, эта группа ушла сохнуть и греться в свой лагерь. Я на берегу нашёл снулого окуня, оставленного кем-то из этой группы, и быстро соорудил живцовую снасть из разряда “а вдруг клюнет”.

Я настоял на рыбалке, несмотря на постоянный морозящий дождь. Дима терпеливо ждал до шести вечера. После того, как я вытянул щуку в аршин длиной и весом всего на пять килограмм (все щуки были худощавыми и с пустыми желудками в ожидании хода сиговых), предварительно сцепив через вертлюг две колеблющиеся блесны, по правилу: сначала ставится широкая, а потом узкая, я настоял на продолжении банкета ещё на полчаса. Дождь к этому времени прекратился.

Опять эти полчаса!

Они опять всё решали в этом походе. Я продолжал секторальные забросы, причём ставил нелогичные для крупной щуки мелкие приманки. Я менял позицию на палубе и сектора облова. Николай, же наловившись вдоволь окуней, ожидал окончание рыбалки в свойственной ему манере – пессимистично занудствуя на тему погоды и улова, но неожиданно встал рядом, поменял блесну, и начал делать дальние забросы.

– Дима, сколько ещё? – спрашиваю я, понимая, что это уже последние минуты нашей рыбалки.

– Шесть двадцать восемь! – устало отвечает Дима и отворачивается.

Я, в раздумьях, нацеливаюсь на заброс, но вижу там огромный бурун и, повернувшись к Николаю, понимаю: щука моей второй мечты достается не мне. Николай, довольный от такой неожиданности, упорно борется с зубастым монстром, метр за метром подтягивая трофей к тримарану. Я начинаю съёмку. Моя рыбалка закончилась.

– Саныч, если б не ты, и твои полчаса, не видать мне этого подарка судьбы! – сияя от счастья, произносит Николай.

– Вот тогда ответь мне на вопрос: какая щука тебе ценнее, та, первая за десятку, или эта – за восемь с половиной? – оценив вес рыбы навскидку, спрашиваю я.

– Саныч, не поверишь, прав ты, сто раз прав, ещё весной с твоим жерехом я засомневался, но теперь уж точно соглашусь. Эта щука ценнее! Нет ничего волнительнее на рыбалке, чем вытащить щуку своей мечты на последних минутах! Спасибо тебе за

твою настойчивость и напористость. Теперь я начинаю что-то понимать в рыбалке! – признался на фотосессии Николай. На небе появилась радуга. Я загадал желание. Наверное, не надо говорить какое, ибо это понятно. Дима, сначала скучавший, оживился. Всё-таки не всегда так удачно заканчиваются рыболовные походы.

Все наши вещи, включая засоленные мной головы двух трофейных щук, были собраны и упакованы до начала полной темноты. Спали всего три часа, затем ранний подъем и погрузка мешков на тримаран, который отчаливает от берега. Мы собираем остатки вещей и через час Александр Николаевич заводит мотор лодки.

Вот и наступил момент прощания с рекой. Не знаю как у остальных, а для меня он всегда грустный.

По ходу делал фотографии и на свой “мыльный” фотоаппарат, и на “мыльницу” Николаевича. Ведь он тоже прощался с рекой. Кто знает, вернется он сюда или нет? Его “Симбадиада” по приполярным рекам Ямала подошла к концу, а моя – только начинается.

Ближе к устью он показывал ямы, где раньше ловили трофейных щук. За последние десять лет число супер-трофеев существенно снизилось. Основной урон популяции трофейных щук, конечно же, наносит местное население зимой, вылавливая их десятками за день рыбалки.

Ближе к устью реки Николаевич показал избу геологов, которую однажды выследил медведь. Он всё ближе и ближе подбирался к жилищу, ожидая удобного случая для нападения, но геологи оказались шустрее и увезли домой его шкуру.

За четыре с половиной часа мы дошли до избы, куда должен подойти катер, и сразу начали сборы тримарана и надувной лодки. Чтобы дозвониться до

капитана катера, Дима залез на крышу избы, но сигнал был очень слабый. Я посоветовал попробовать позвонить с другого телефонного аппарата, поскольку разные телефоны имеют разные радиомодули, и для тех, кто увлекается лесными или речными походами, следует выбирать себе мобильный телефон по данному критерию. На том конце “провода” прослушивался шум мотора, значит всё идёт по плану, и мы ускорились.

Берег был крутой и скользкий, я в своих галошах шлёпнулся три раза на мокрой траве. Мои ноги взлетали выше головы, тело зависало в воздухе, и по сокращенной параболе падало на землю. Раздавался громкий “шлё-оп”, подобный удару “кость об кость”. Хотя откуда в моей заднице кости? На пять с половиной секунд я замирал в позе прибитой

мухоловкой мухи. Куропач веселился и подбодрял нас, и даже принял участие в разборе тримарана.

Отчалив от берега, мы все грохнулись спать, а потом у нас было несколько часов на воспоминания и уютные беседы.

Срубы, печи и прочее завозят зимой или весной на баржах. Организовать рыболовные походы крайне сложно и дорого, поэтому цена рыболовного тура в этих местах очень высокая.

Сравнивать их с заграничными рыболовными турами сложно, но я попробую. Главная проблема, и главная ценовая составляющая – это заброска. А у нас, в отличие от зарубежных стран, предлагают исключительно вертолётные заброски, которые очень дороги из-за высокой себестоимости полётов. За рубежом используют гидросамолёты, где себестоимость полёта существенно, в разы ниже! Но мы же нормальные герои? Мы всегда идём в обход! И рыболовный поход в места, куда привозили самое высокое начальство, по карману только очень обеспеченным людям. Мы ходили по рекам на тримаране, на котором до нас рыбачили и сенаторы, и партийные лидеры, некоторые из которых были нормальными мужиками. На охоте, на рыбалке, как в бане, все должны быть равными, и не выпирать своими должностями. Тот, кто так делает – получает настоящие впечатления и радость от поездки. Тот, кто остается в лесу начальником, так и не поймёт ничего.

Я, как обычно, занудствовал на тему наведения порядка в стране по части рыбалок в центральной России, возмущался и спорил, что добиться трофейных рыбалок – это реализуемая задача. Ведь с ней справились в других станах, почему у нас

нельзя? Пусть не везде, но ведь можно создать национальные парки и территории, где можно порыбачить, как это было столетия назад, и познать первозданность природы.

Вообще было бы неплохо продумать простой механизм для развития туризма в труднодоступных местах и вывести его из дикого состояния.

Я уверен, что сделать это очень просто. Нужно увеличивать штат народного контроля на водоёмах за счёт вовлечения рыболовных гидов и выявлять незаконную реализацию рыбы через торговлю. Упростить выдачу туристических лицензий на рыбалку, как это сделано в США и странах Евросоюза. Создать условия для объединения рыболовных гидов в региональные клубы. Ну, и самое главное, – это работа с местным населением.

Никто так не наносит урон рыбным биоресурсам, как браконьеры из отдалённых поселений.

Добиться того чтобы рыболовный гид, поставленный перед выбором между ограничением вылова и получением чаевых от туристов выбирал сохранение ихтиофауны и разъяснял непонятливым клиентам свою позицию. Мне однажды встретился такой неформатный гид, и рыбалка с ним была намного увлекательнее.

– Нам тут предлагали по Оби рыбалку на нельму, – я нарисовал на листе бумаги карту с маршрутом, сказав, что нам давали две лодки моторные.

– Хорошо, что не согласились. Теперь понимаешь, почему? Наш катер не мог зайти в Салехард, а если бы такая погода была, то ночевал бы ты в Лабитнангах всю неделю, кушая купленную рыбу у того мальчишки, и всё твоё путешествие – это качка на палубе квартиры, про которую ты говорил. На Оби были случаи, когда непутёвые рыболовы выходили при большой волне на лодках за нельмой и тонули. Тут морские катера нужны, да и то, я бы не всегда рискнул, за сорок лет я много чего видел. А нельма тут зачётная, меньше трёх кило и за рыбу не считают. Вот когда десяти-килошную поймаешь, вот тогда и поймешь, что такое рыбалка на Оби.

– Вот смотри! Видишь? Теперь понял, как определить стадо нельмы на реке? – подключился к разговору Николаевич.

– Да, понял. Учту на будущее. Очень хочу опять сюда приехать и на нельму сходить. Повторять наш маршрут не вижу смысла, хотя он был очень интересный, и я рад, что всё так получилось.

У парома нам помогали грузиться в такси. Проверяя карманы я нащупал отсутствие фотоаппарата. Меня как переклинило. Как? Я же точно помню, что положил его в карман безрукавки, купленной в Замбии. Я метался несколько раз от автомобиля до катера с безумным видом. В моей голове была только одна мысль: все фотографии могут быть безвозвратно потеряны! Михалыч перерыл всю каюту, в которой были наши вещи – безрезультатно. Я рылся уже в четвертый раз в своём чемодане, который уже лежал в багажнике. Николай выстраивал логичные и нелогичные выходы из ситуации. Николаевич тоже вышел с катера. Вдруг сзади я чувствую, как по спине кто-то похлопал.

– Да вот же он, твой фотоаппарат! – Николаевич достал пропажу из заднего кармана, который был на спине этой заморской безрукавки! Там тоже был карман, и я его перепутал с боковым! У меня ноги подкосило от радости. Я подошёл к нему и обнял его на прощание как родного, близкого мне человека. Слова тут не были нужны.

Мы долго махали отходящему катеру. Нас ждал ночлег в Салехарде, ужин в кафе, где я заказал себе уху из муксуна, и утренний вылет.

В аэропорту тубус хотели вернуть в багаж, но я рассказал, каких усилий мне стоило сделать этот тубус своими руками для этой поездки, и нам позволили взять наши тубусы на борт. Если б они знали правдивую историю о том, что мой тубус прошёл на катере четыре речных похода по Оби и ни разу не расчехлялся!

– Ну, Саныч, когда и куда меня в следующий раз позовёшь? – на прощание спросил меня Николай, прилетев в Москву.

– Не волнуйся, загранпаспорт не пригодится. Мест у нас много, нужно только найти своё место, которое тебе ближе всего. На Мезень я тебя не позову, прости. Я там нашёл то, что искал, и это будет мой поход. Есть у меня ещё секретные карты. Я позвоню, – попрощался я.

Илья прошёл серьезное испытание и получил боевое таёжное крещение, а ещё и прозвище на всю оставшуюся жизнь.

Николай наконец-то понял, чем отличается рыбалка от охоты, и в награду, поймал щуку своей мечты.

У меня же теперь есть Рыба моей второй мечты! Вот такой замечательный поход.

